

ХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИКВИИ ГОРОДА БОЛХОВА И УЕЗДА В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

М.А.Комова

CHRISTIAN RELICS OF THE CITY OF BOLKHOV AND COUNTY IN A LITERARY CONTEXT

М.А.Komova

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, mariamna.orel@mail.ru

Материалом научного исследования служат Сказания о местночтимых иконах-реликвиях, распространенные в городе Болхове в Верхнем Поочье. Проблема исторического бытования региональных текстов об иконах и местных житийных повествований, а также исследование их сюжетов, мотивов и образов в поздней рукописной и устной традиции XVII — начала XX веков формулируется и исследуется впервые. Ранее исследователям были известны лишь краеведческие публикации ряда текстов. Результаты исследования имеют прикладное значение для литературоведения: могут быть использованы в научных исследованиях по истории древнерусской литературы, в общих и специальных курсах и учебных пособиях по истории русской литературы, истории древнерусского искусства.

Ключевые слова: христианские реликвии, сказания об иконах, народная литература, местночтимая икона, иконография

The material research are Tales of locally venerated the icons-relic, common in Bolhov in the Upper Poochie. The problem of historical existence of regional texts about icons and local hagiographic narratives, and the study of their subjects, motifs and images in late manuscripts and oral traditions of XVII-beginning of XX centuries is formulated and investigated for the first time. Earlier researchers were known only to the local history of the publication of a number of texts. Results can be used in research on the history of old Russian literature in General and special courses and textbooks on the history of Russian literature, the history of ancient art.

Keywords: Christian relics, legends of the ancient carved icons, folk literature, locally venerated icon, iconography

Христианские реликвии (чудотворные иконы, поклонные кресты, мощи святых, богослужебные книги, литургические ткани и утварь, а также другие священные предметы), будучи документально связанными с религиозными событиями прошлого, являются важнейшими категориями христианской художественной культуры. К литературным описаниям христианских реликвий (местным сказаниям, историческим преданиям об иконах и святых), бытующих в различных регионах России, в наше время возрос интерес специалистов-филологов (М.В.Антонова, В.М.Кириллин, Б.М.Клосс, М.С.Крутова, И.И.Макеева, А.В.Пигин, Е.А.Рыжова, А.А.Турилов, Е.М.Юхименко). Изучение данных текстов является важным для осмысления судеб византийской и древнерусской книжной традиции и для выявления художественного своеобразия отечественной литературы Нового времени. Предания о реликвиях города Болхова были выявлены и опубликованы учеными Историко-архивной комиссии и Церковного историко-археологического комитета. Но проблема исторического бытования региональных текстов о христианских реликвиях в период Нового времени, а также жанровые особенности текстов в данном исследовании формулируются впервые.

Город Болхов в Верхнем Поочье, который планировалось сделать в 1681 г. центром одной из епархий России к юго-западу от Москвы, в царствование царя Федора Алексеевича Романова был связан с фамильными владениями рода Милославских, родственников царицы Марии Ильиничны. В Новое время город лежал на пути паломников к святыням Пале-

стины и Киева. Вспоминая о цели своего пути, паломники не рассказывают о городе как таковом — о его архитектуре, строениях, улицах и окраинах. В сохранившихся текстах город представляется особой сакральной средой, топографическая карта которой акцентирована отдельными топосами, отмеченными почитаемыми в них святынями (Преображенский собор и резной образ Николы Ратного; Троицкий собор Троице-Оптина монастыря и образ Богородицы Тихвинской, Георгиевская церковь и образ Богородицы «Взыскание погибших» и др.). Реликвии подносились драгоценные уборы, например, в описании интерьера Троицкого собора Троице-Оптина монастыря мы находим, что согласно царскому распоряжению «ко святым образам бархатные и атласные пелены с золотыми и серебряными кружевами» приложены [1, с. 769, 950]. У местных икон-реликвий, подобно общехристианским святыням, складывался свой культ почитания.

Священная среда города с регулярными службами и почитаемыми иконами привносила реальные переживания евангельских событий. Из сложившегося перечня увиденных контактных реликвий, а также услышанных устных рассказов о святынях и их бытовании, посвященных им легендарных и исторических преданий, и состоит литературная ткань местных текстов. Подобно цельному пространству художественного образа данные литературные произведения (хождения, сказания о чудотворных иконах, исторические записки и предания о почитаемых реликвиях) также уподоблялись модели идеального христианского мироздания, в создании которого важную роль

играли описания святынь и сохранявшего их пространства (часовни, храма, монастыря).

Типичными для Болхова являются историко-культурные записки о явлении икон в конкретном месте (в земле, на колодце, на древе) и сопровождающем их чудесных знамениях. Особая группа текстов повествует об обретении на месте, где ранее стояли городские постройки с часовой или храмом, об обретении после пожара и самовозжигании свечи рядом со святыней, воспринимаемые в христианской традиции как чудесное указание свыше, раскрывающее дальнейший ход событий. Записки составляются в период наибольшего почитания обретенной иконы и предъявляются паломникам в местных храмах-реликвариях. Предания о местных реликвиях разделяются по мотивам.

К текстам, в которых приводится мотив обретения иконы, связанный со стихией огня, относится литературное описание известного события, произошедшего у иконы «Всех святых» в болховской церкви Рождества Христова, собора упраздненного в правление императрицы Екатерины II монастыря: «большая свеча перед образом «Всех святых, который стоял в стороне от иконостаса, в виду многих молящихся, зажглась сама собой». Самовозгоревшаяся свеча была воспринята предвозвестием основания новой женской обители — Всехсвятского монастыря [1, с. 1375], а изображение Богоматери с болховской иконы «Всех святых» было взято за основу при разработке новой иконографии Богоматери «Спорительница хлебов» в соответствии с видением известного старца Амвросия Оптинского. А предание об «особо чтимой» иконе Богоматери Страстной из с. Пальна указывает на иной мотив (сохранение от пожара). Известно, что икона долго находилась в часовне на месте древнего храма и только в 1868 г. проявила себя, когда «прихожане вынесли икону на место пожарища и ветер повернул в другую сторону» от местной церкви в с. Пальна Болховского уезда, после чего икона была с почестями перенесена в новый храм [2, с. 40].

Мотив явления рядом с водным источником (на берегу реки, у колодца) объединяет предания о «древней иконе святых Козьмы и Дамиана, по преданию явившейся на колодезе», который назван в тексте «святым» в с. Пальна Болховского уезда, где позднее был основан храм и предания об иконе мученика Иоанна Воина, найденной на берегу реки Ока рядом с с. Чегодаево «неизвестно в каком году, по всей вероятности, тогда же был построен и первый приходской храм» [2, с. 40, 91].

С мотивом явления иконы в земле связано предание о болховской иконе Богоматери «Казанская с Красной горы», отмеченной в источнике как «явленная». Образ был найден в земле под завалом одной из башен старой Болховской крепости XVII в. [2, с. 23]. Икона была перенесена в Троицкий храм детинца, а на месте обретения иконы была возведена часовня купцом Качановым и учрежден крестный ход. А почитаемая в Болхове икона Николы Пахотного была обретена горожанином в Гончарной слободе во время весенней обработки своего огорода. В честь данного

события в 1735 г. был возведен одноименный храм на том месте, где «мужик пахал и выпалал икону святого Николая угодника», икону, в честь которой в XIX в. был учрежден крестный ход [1, с. 771]. Так предание об обретении иконы стало преамбулой другого местного текста — предания об основании церкви Николы Гончарского (Пахотного).

Отдельная часть текстов объединена мотивом обретения икон на древе. Так, икона Богоматери Казанской — главная святыня храма в Ближнем Гнездилове Болховского уезда, вотчине князей Хотевских, была найдена «первыми поселенцами на древе, росшем на месте храма», что предвосхитило постройку церкви. Икона Богоматери Тихвинская Болховская согласно одному из местных преданий была явлена у стен Троице-Оптина монастыря на трех соснах «ранее 1620 года в день священикомученика Мокия». Места обретения икон послужили образованию новых местных топонимов. Например, в церковной летописи Никольского храма отмечена хранящаяся там главная святыня — икона св. Николы Чудотворца, найденная на ясене (диалектное «ячене»), что дало наименование селу Ячное Болховского уезда [2, с. 28, 65].

К преданиям, которые так и не были оформлены в литературные сказания, относятся краеведческие записки о подаренных русскими царями или представителями дворянских родов реликвиях, краткие исторические тексты о фамильных святынях известных личностей, например, икона Богоматери Тихвинская, по преданию, вероятно, вложенная в Болховский Троице-Оптин монастырь царем Михаилом Федоровичем Романовым и торжественно встреченная братией у стен монастыря [1, с. 1010]; и два местночтимых списка — «...икона Тихвинской Богоматери, помещающаяся в алтаре перед жертвенником», о которой сохранилось устное предание о том, что «икона была написана известным алтайским миссионером архимандритом Макарием Глухаревым, подарена им местной землевладелице А.П.Жедринской», и местночтимая икона Богоматери Тихвинская из с. Усть-Нугрь Болховского уезда, которой выказала почтение некая императрица, имя которой позабыто, и которая «случайно проезжала через село», сделав подношение в виде дорогого перстня. В церкви села Ближнее Ильинское была «явлена» икона святого пророка Илии, о которой сохранялось «предание, что в начале XVIII в. с этой иконою каждодневно в годовой праздник (20 июля) совершался крестный ход в Болховский Оптин монастырь и обратно» (икона легендарно принадлежала Илье Милославскому, отцу царицы Марии Ильиничны) [2, с. 31, 75, 90].

В вышеуказанной группе наиболее интересна историко-культурная запись о хранившемся в Преображенском соборе г. Болхова резном образе Николы Можайского (Ратного): «изображающий угодника во весь рост. Образ несомненно древний... вывезен из Новгорода ... при благоверном князе Иоанне Васильевиче, при Архиепископе Александре» [2, с. 8], современнике царя Иоанна Грозного (исходя из приведенной поздней надписи на фоновой части доски, к которой крепилось рельефное изображение святите-

ля). Появление данной исторической надписи на местнотимой резной иконе — дань литературной традиции времени митрополита Макария Московского (1482—1563). Известный исследователь древнерусской скульптуры В.М.Шеханова, отмечавшая, что и царь, и митрополит повсеместно способствовали распространению резных икон Николы Можайского (Ратного) в основанных пограничных крепостях (а Болхов входил в новую Засечную черту городов-крепостей середины XVI в. — М.К.), преподнося их в дар [3], что подчеркивало идею божественного покровительства воинским победам русского царя и его воинству.

В отдельный жанр следует выделить краткие содержательно-тематические тексты, прославляющие воинские и врачевные подвиги местнотимых икон, сопровождающиеся какими-то заметными событиями, которые часто являются преддверием основания на месте их явления церквей или монастырей. В Болховском уезде сохранилась историческая быль об исцелении после обращения к Богоматери дворового человека Апухтиных, который в знак благодарности собственноручно написал образ Богоматери Скорбящей и принес ее в церковь села Коноплянка Болховского уезда, где икона получила местное почитание. Согласно местному преданию из Введенской церкви села Березуй Болховского уезда древняя икона Богоматери «Утоли моя печали» находилась в ветхой часовне при храме, затем явилась больной девушке с требованием, чтобы ее обновили, после совершения обновления последовало исцеление девушки и начало почитания иконы по перенесении в новый храм [2, с. 35, 69].

Одним из жанровых разновидностей сказаний об иконах является краткое летописное сообщение о явлении иконы, впоследствии получившей местное почитание. Сказания этой группы получили распространение в позднесредневековый период и нашли продолжение в болховских текстах. Так, вводной частью, напоминающей летописную преамбулу (с обозначением времени государева правления или значительного исторического события), начинается Сказание о явлении иконы Богоматери Тихвинской близ Болховского Троице-Оптина монастыря.

Отметим, что объемных развернутых повествований о явлении, бытовании и чудотворениях от христианских реликвий в Болховском уезде не было сложено. К 1900 г. процесс превращения первоначальных преданий в объемные тексты не был завершен как в Болховском уезде, так и в Орловском крае в целом. Вероятно, поэтому изучаемые тексты не вошли в общие сборники чудотворных икон XIX в. Исключением является Сказание о болховской иконе Богоматери «Взыскание погибших», которая в деталях композиции отличается от известного московского образа этого иконографического типа и восходит к иконографическому источнику южнорусского происхождения. В тексте сказания об этой болховской иконе вводная часть повторяет известную византийскую «Повесть о покаянии Феофила», изложенную Димитрием Ростовским в издании «Четьи Минеи» (1684—1705 гг.), а далее рассказывается о чуде спасения кре-

стьянина села Бор Калужской губернии, произошедшем в 1808 г. близ Болхова на праздник Крещения Господня [4]. Подобно Сказанию о болховской иконе Богоматери «Взыскание погибших», вводная часть Сказаний о других местнотимых иконах Орловского края, являвшихся копиями оригиналов византийских и общерусских реликвий, часто включает текст о чудесах от оригинала, к которому добавляются «деяния» местнотимого списка (например, икона Богоматери Балыкинская Орловская, икона святителя Николы Доброго из Свято-Духова монастыря близ Новосилия).

Выявленные группы текстов отражают глубоко укоренившиеся в русской культуре мотивы обретения местнотимых святынь, известные по северным, центральным и южнорусским преданиям и сказаниям. Они встречаются в ставших эталонными в период Нового времени Сказаниях об иконах Богоматери, прославленных на Руси. Мотивы Сказания об иконе Богоматери Казанской, явившейся девице во сне после пожара в Казани, найденной в земле «на пепелище», прославившейся многими исцелениями, начиная с конца XVI в., предвосхитив построение храма и монастыря на месте обретения образа, отразились в преданиях о болховской иконе Николы Пахотного и Богоматери Казанской Красногорской, а также в преданиях с. Березуй (явление больной девушке с велением обновить образ). Мотив неоднократного явления иконы Богоматери Тихвинской над рекой Тихвинкой на возвышенности отразился в местном предании о появлении одноименной реликвии Болховского Троице-Оптина монастыря. Явление на дереве в лесу иконы Знамения Богоматери Курской-Коренной близко мотиву обретения иконы в предании о болховской иконе Богоматери Тихвинской. Мотив появления нового топонимического названия монастыря — Коренной — в связи с местом обретения иконы отражено в предании из с. Ячное. Сказание об иконе Богоматери Свенской Печерской, привезенной по реке, исчезнувшей и вновь явленной на дереве в преданиях Болховского Троице-Оптина монастыря, сел Ближнее Гнездилово, Пальна, Чегодаево Болховского уезда. Местные предания о царских вкладах времени Иоанна Грозного в виде икон Николы Чудотворца Можайского, появившихся в городах-крепостях Засечной черты, отразились в мотиве появления резной иконы Николы из болховского Преображенского собора. Следует учитывать и устойчивое бытование в болховских преданиях фольклорных мотивов, чаще связанных в народном мировосприятии с иконографией «Неопалимая Купина» (например, отведение огня с помощью молитвенного служения иконе Богоматери Страстной и принесения ее на место пожара в с. Пальна). Так в местных сказаниях и преданиях о иконах-реликвиях к общерусскому контексту чудес добавлялся и региональный, связанный с чудесными исцелениями, построением храмов и монастырей, учреждением крестных ходов и историческими личностями-донаторами реликвий.

References

1. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Болхова // Орловские епархиальные ведомости. Орел, 1875. № 12, 14, 17, 21.
2. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский-Кромской уезды. Орел: Издание Орловского Церковного историко-археологического общества, 1905.
3. Шеханова В.М. Иконографический репертуар храмовой деревянной скульптуры Арзамасского уезда по описи середины XIX в. (опыт систематизации) // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции: Сборник статей. Вып. 2. М., 1993. Ч. II. С. 31.
4. Георгиевский А.И. О происхождении иконы Богоматери «Взыскание погибших» и древнейших списках ея (Церковно-археологический реферат) // Сборник Орловского Церковного историко-археологического общества. Орел, 1906. Т. I. С. 380.
1. Pyasetskiy G.M. Istoricheskie ocherki goroda Bolkhova [Historic sketches of Bolkhov town]. Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. Orel, 1875, no. 12, 14, 17, 21.
2. Istoricheskoe opisanie tserkvey, prikhodov i monastyrey Orlovskoy eparkhii. T. I: Bolkhovskiy-Kromskoy uyezdy [Historic description of churches, parishes, monasteries of Orel eparchy]. Orel, 1905.
3. Shekhanova V.M. Ikonograficheskiy repertuar khramovoy derevyannoy skul'ptury Arzamas-skogo uyezda po opisi serediny XIX v. (opyt sistematizatsii) [Iconographic repertoire of the wooden sculpture of the Arzamas district based on middle of the 19th century inventory (experience of systematization)]. Coll. of papers "Drevnerusskaya skul'ptura. Problemy i atributsii", iss. 2. Moscow, 1993. Part II, p. 31.
4. Georgievskiy A.I. O proiskhozhdenii ikony Bogomateri "Vzyskanie pogibshikh" i drevneyshikh spiskakh eya (Tserkovno-arkheologicheskiy referat) [In Search of the Perishing]. Sbornik Orlovskogo Tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo obshchestva. Orel, 1906, vol. I, p. 380.